

К ЭТИМОЛОГИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО Εἶρος
И ДРЕВНЕИНДИЙСКОГО Ūrnā 'ШЕРСТЬ'

Греческое εἶρος, встречающееся в "Одиссее" в значении 'шерсть' (Od., IX, 426: Ἄρσενες ὄϊες ἦσαν εὐτρεφέες δαύ-
πελλοί, Καλοὶ τε μεγάλοι τε, Ἰοβνεφές εἶρος ἔχοντες), может употребляться как название растения (хлопок) и как обозначение болезни (лихорадка). В значении "шерсть" слово является архаизмом и заменяется производным с уменьшительным суффиксом εἶ-
ριον в гомеровском языке (Il., Ш., 388; Od., ХУШ, 316) и в ионийских диалектах. Адъективное производное εἰρίνεος 'шерстяной' употребляется у Геродота в сочетании с существительными εἶμα 'одежда' (Herod., II, 81), κιδών 'хитон' (Herod., I, 195). Основа εἶρο- входит в качестве первой составной части в целый ряд сложных слов: у Гомера εἶρο-κόμος 'пряжущая шерсть' в сочетании со словом γρηῖς 'старуха', εἶρο-λόμος 'покрытый густой шерстью' по отношению к ὄϊες 'овцы' (Il., V, 137); в Палатинской Антологии εἶρο-χαρής 'любящий шерсть' (AP, 6, 39: εἶροχαρῆ τάλαρον) и εἶρο-κόμος 'пряха'), там же в связи с οἶες 'овцы' встречается εὔ-ειρος 'покрытый красивой шерстью' (AP, 7, 657), в котором -ειρος является второй частью именного словосложения. Ионийская форма εἶρος легла в основу производного εἶροσειώνη, имеющего значения "венки из веток лавра или маслины, перевитый шерстью, который носили мальчики во время празднеств пианепсий и таргелий" и "песня, исполнявшаяся во время этих праздников".

В аттическом диалекте мы находим ряд параллелей к указанным выше ионийским формам: ἔριον 'шерсть' (Aristoph., Ranae, 1067: οἷλα ἔρια), εἰρίνεος 'шерстяной', εἰρίο-στεπτός 'увитый шерстью' по отношению к κλάδοι 'ветви' (Aeschyl., Suppl., 22), εὔ-ερος 'покрытый красивой шерстью' (Soph., Trachin., 75) и 'богатый шерстью' (Aristoph., Aves, 121). Сопоставление ионийских и аттических образований позволяет восстановить для них общую исходную именную форму *ἔρφος, где выпадение суффиксального F вызвало удлинение корневого -ε- в ионийском (переход ε̄ в ē закрытое, которое обозначается как ει, отсюда εἶρος), а в аттическом не вызвало никаких последствий, поэтому εὔ-ερος из

*εῦ-ερφοc. Возможности для дальнейшей реконструкции предоставляет микенский язык. В микенском в описании тканей зафиксировано we-we-e-a (= werweea), которое равняется аттическому έρεα и может быть понято как адъективное производное в им.п. мн.ч. ср.рода или в им.п. ед.ч. ж.рода. Предполагается, что сюда же относится werweieiai 'женщины, обрабатывающие шерсть', встречающееся в том же контексте, что и lineiai 'женщины, обрабатывающие лен' (образованное от λίνον 'лен'. Данные микенского языка позволяют восстановить общегреческое *εερφοc, в котором начальное F- рано исчезло под диссимилятивным воздействием F второго слога, гомеровский язык не сохраняет следов этого F.²

В эолийской надписи, обнаруженной в Малой Азии, имеется слово ελεροι, контекст позволил истолковать его как "бараны" (ελεροι καὶ ἀρνῆαδες ἐβῶν ἀτέλεες). Убедительный этимологический анализ слова сделал В.Шульце,³ который увидел в примере приставочное производное от *ερος 'шерсть', ελ(ι) и ερος 'покрытый шерстью', образованное подобно ἐπάργυρος 'отделанный или выложенный серебром' (ελ- + ἄργυρος 'серебро'), ἐπίχαλκος 'окованный медью или бронзой' (ἐπι- + χαλκός 'медь'), ἐπίχρυσος 'покрытый золотом' (ἐπι- + χρυσός 'золото'). Таким образом, название животного оформилось путем субстантивации прилагательного, обозначающего его существенный признак. Изосемантический ряд обнаруживается в лат. lāna 'шерсть' и lānāta 'овца' (lānātus, a, um 'покрытый шерстью'). Сближение ελερος с *ερος и εἶρος позволяет реконструировать для него исходную форму *εлерφοc и подтверждает бесследное для эолийского диалекта исчезновение F в группе -рf-, когда она находится в интервокальной позиции.

Указанные выше образования связаны с индоевропейским корнем *ueg-, к нему же только в нулевой ступени *uḡ- и с другим суффиксом относится еще одно название для барана и овцы ἀρνῆν, в критской надписи φαρήν (GDI=Sammlung der griechischen Dialektinschriften, 4964, 2, Gortyn), гомеровская метрика подтверждает начальную дигамму. В род. падеже слово имеет форму ἀρνός, у Эзопа (Левор., 274) эта форма используется в качестве им.п. ед.ч., для аттического диалекта обычной является форма ἄρνιον 'ягненок', 'овчина, овечья шерсть' (Lucian., Salt., 43). Слабая ступень корня с долгим сонантным элементом *uḡ-

находит отражение в сложных прилагательных πολύ-ρρην 'богатый баранами' (Il., IX, 154, 296) и ῥηνο-φορεῦc 'одетый в овечью шкуру' (о Дионисе - AP, 9, 524, 18) и в существительном ῥῆν 'овца': ῥηνο- < Fρηνο-, πολύ-ρρην < *πολύ-Fρην. В начальной группе *uḡ- u- исчезло, оставив густое придыхание, а в срединной позиции -u- подверглось регрессивной ассимиляции, откуда удвоенное -ρρ-. В микенском языке имеется несколько производных от этой основы: в списке изделий из кожи wereneja = Fρήνεια, worneja = (F)ῥνεια по отношению к шерсти, антропоним waniko = Fαρνίσκος.⁴

В индоиранских языках к интересующей нас семье относят обычно др.-инд. urabhra- 'баран', по всей вероятности, с исходным значением 'несущий шерсть' (ср. лат. lāniger [lāna 'шерсть' + gero 'нести'] 'покрытый шерстью, пухом'; 'баран или ягненок'; lānigera 'овца'); urā 'овца', которое считается сокращенной формой первого слова, но, по-видимому, может быть и независимым от него производным основы со значением 'шерсть'; образования с суффиксом -n- : urana- 'баран, ягненок', перс. varra 'ягненок' (*varnak), ср.-перс. varak 'баран'. К ним, на наш взгляд, следует присоединить и др.-инд. ūrnā 'шерсть' с его производными ūrnāma 'шерстяной', ūrnāy 'шерстистый, курчавый' и 'овца', ūrnāvant 'ворсистый' и 'паук', сложное слово ūrnānabhaḥ 'паук' с исходным значением 'пуговина которого имеет или производит шерсть'. На это указывает семантика слова и ее развитие от значения 'шерсть' к обозначению животных, характер суффиксального элемента (кроме приведенных выше индоиранских и греческих примеров с суффиксальным -n-, сюда же относится арм. garh < *var^anas 'ягненок'), и, наконец, огласовка корня *uḡ- встречается в греческих словах ῥῆν и ῥῆνα, не засвидетельствованных в номинативной форме. Элейское слово, отмеченное у Гезихия в асс. ῥῆνα ἄρνα, представляет собой в отношении корня полный аналог др.-инд. ūrnā (с отпадением начального w- из wurna < *wṛnā). Индоевропейские словари, этимологические словари отдельных языков, пособия по сравнительно-историческому языкознанию рассматривают др.-инд. ūrnā в кругу иных образований: авест. varənā, др.-греч. λῆνος, λῆνος, лат. lāna (l- из начального wl-), гот. wulla (ll из ln, лит. vilna 'шерсть', лтш. vilna 'шерсть', др.-рус. вѣлна (рус. диал. вѣлна) 'овечья шерсть', хет. ḫulana 'шерсть'.⁵ Тождество се-

мантики и фонетико-морфологическое оформление данных слов не позволяют сомневаться в их родстве. Отсюда напрашивается вывод, что существовали два варианта корня (* u_0r - и * u_0l -) с исходом на долгий плавный, долгота которого носила вторичный характер. Вариативность долгих сонантов определялась их чередованием в первоначальном состоянии корня: * u_0er -/* u_0el - , * u_0r -/* u_0l -. В книгах П. Перссона и Ф. Шпехта приведены примеры подобных чередований для корней * ker -/* kel - , * der -/* del -, * ger -/* gel -, * mer -/* mel -.⁶ Ю. В. Откупщиков считает чередование сонантных элементов в исходе корня особенностью древнейшей структуры индоевропейского корня. Среди рассмотренных им образований др.-рус. коробь и колобь, др.-греч. ἀδελφός 'брат' и ἀδερφοί 'сратья', ἔλ-αεῖν и ἔρ-χουαι 'идти', древние индоевропейские гидронимы Al-ма и Ar-ма, ст.-сл. СТЬЛ-ПЬ и лат. stirps.⁷ Применительно к занимающему нас вопросу показательным может быть следующее сопоставление: гом. ἔρῃσθαι 'защищать, прикрывать' и εἰλῶ 'окутывать, покрывать', ἔρῃμα 'защита, прикрытие' и εἰλῶμα 'обертка, покрывало'. Примеры эти, по-видимому, являются отражением чередования * u_0er -/* u_0el -. В др.-инд. $\text{vṛ}ṇ\acute{o}t\acute{i}$ значения 'покрывать' и 'защищать' совмещаются, подобное явление наблюдается в производных от авестийского var -. Рассмотрение их в качестве изолированных семей является, по мнению М. Майрхофера, делом бесперспективным.⁸ Теория о структуре индоевропейского корня остается пока на уровне гипотезы, но наличие многочисленных случаев мены r/l как в одном и том же слове, так и в словах общего происхождения, позволяет утверждать, что в наших примерах мы имеем дело с исходным корнем * u_0r -/* u_0l -, тем более, что это подтверждается и семантикой, и фонетическими соответствиями, и словообразовательными фактами.

В германских языках родственными др.-греч. εἶρος лексемами являются др.-англ. wacu, нем. Ware 'товар', др.-норв. vara 'шкура', др.-исл. vara 'грубая шерсть'. Предполагается, что в западногерманские языки слово пришло из скандинавских: именно там обнаруживается его исходное значение 'шерсть, мех'. В др.-исл. известны композиты bukka-vara 'шкура барана', gra-vara 'беличий мех', норв. vara-tuku 'покрывало из шкур' и др.-норв. vǫru-kambr 'гребень для шерсти'. Поначалу слово vara было обозначением шкуры или шерсти, но позднее получило значение 'то-

вар' через промежуточную ступень 'шкура, шерсть, служащая для продажи'. Такое обобщение произошло, по-видимому, по той причине, что купцы, приезжавшие с севера, торговали в основном шкурами и мехом и этот товар более всего пользовался спросом у их южных соседей. Таким образом, представленное в современном немецком (Ware) и современном английском (ware) слово служит наглядным свидетельством того, что в древности существовал оживленный торговый обмен между Германией, Англией и скандинавскими странами.⁹

С основой * u_0er - связано латинское диалектное слово ver-va 'голова барана из мрамора' и vervex 'баран', которое засвидетельствовано со времени Плавта: qui petrōni nomen induunt vervēci sectārio (Plaut., Capt., 820), itane vero, vervex? Intro eas? (Plaut., Merc., 567). Это слово мы находим у Варрона: si cui ovo mari testicūli dempti et ideo vi natūra versa, vervex declinātum (Varro, Ling., 5, 98), Ювенала: prudentia monstrat summos posse viros ... vervēcum in patria crassoque sub aëre nasci (Juv., 10, 50), Апулея: vervēsem ... non asinum vides (Apul., Met., 8, 25, 1) и у других латинских авторов. Производное от vervex существительное с уменьшительным суффиксом имеет значение 'овца'. В качестве субстантивированной формы прилагательного vervīnus, a, um следует рассматривать существительное vervīna 'баранина'. Неясно суффиксальное оформление vervex, однако можно говорить о том, что суффикс -ēs- является вторичным и присоединяется к основе на - u -, которая обнаруживается в vervella, vervīna и verva и, без сомнения, связана с др.-греч. εἶρος 'шерсть'.¹⁰

Словарь А. Вальде и Ю. Покорного¹¹ относит vervex и родственные ему образования к индоевропейскому корню * u_0er -, определяя его значения как 'шерсть, животное, покрытое шерстью, овца'. Некоторые исследователи предполагают здесь исходный глагольный корень * u_0er - со значением 'покрывать, укутывать',¹² который можно видеть в др.-инд. $\text{vṛ}ṇ\acute{o}t\acute{i}$ 'покрывает, укутывает' - глаголе V класса атематического спряжения, основа настоящего времени которого образуется из корня в слабой ступени и суффикса no/ni . Причем ver- относится к числу корней, в которых наряду с -no- выступает суффикс -nā- : $\text{vṛ}ṇ\acute{o}t\acute{i}/\text{vṛ}ṇ\acute{a}t\acute{i}$. В др.-инд. языке среди производных этого корня находим varman 'пан-

цирь*, слово ср. рода с суффиксальным *-men-, иллюстрирующее древнейший индоевропейский тип именного словообразования. Первоначально оно, по-видимому, было *nomen actionis* со значением 'покрытие'. Чередование *-men-/*-n- выявляют сопоставляемые с ним имена мужского рода *vātra* 'покрывало, оболочка' и женского рода *ūrnā* 'шерсть'. Обичное в словах этого типа ударение на суффиксе переносится на корневой слог, что особенно характерно для субстантивированных прилагательных. Корень **der-* оформляется суффиксальными *-*u-* и *-*n-*, причем, на первый взгляд, представляется, что *-*u-* связано с обозначением шерсти, а *-*n-* — с названием животных, но против такого разграничения свидетельствуют латинские производные, имеющие суффиксальное *-*u-*, и отнесенное нами к рассмотренной семье слов др.-инд. *ūrnā* 'шерсть' с суффиксом *-*n-*. Можно предположить, что в данном случае отражается индоевропейское чередование суффиксов *-*u-*/*-*n-* и нерасчлененность активного и пассивного значения в отглагольном образовании: 'покрывающий, укутывающий' (о шерсти), 'покрытый, укутанный' (о животном). Поначалу адъективные образования с суффиксальными *-*u-* и *-*n-* от корня **der-* имели общее значение, специализация функций суффиксов не была доведена до конца.

Примечания

¹ Наличие -s- в микенских образованиях от *āpros* делают несомненной эту связь; см.: Chadwick J., Vauwh-Bach L. The Mycenaean Greek vocabulary. - Glotta, 1963, Bd 41, Hft 3/4, p. 188-189.

² Solmsen F. Untersuchungen zur griechischen Laut- und Verslehre. Straßburg, 1901, S. 188-189.

³ Schulze W. Miscellen. - Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, 1895, Bd 33, S. 132-133.

⁴ Chantaine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. 1. Paris, 1968, p. 108.

⁵ Laroche E. La Bibliothèque de Hattuā. - In: Symbolae ad studia orientalia pertinentes Frederico Hrozny dedicatae. Praha, 1949, p. 13.

⁶ Persson F. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Bd I-II. Uppsala; Leipzig, 1912; Specht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944, S. 119.

⁷ Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, с. 164-190.

⁸ Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd III. Heidelberg, 1967, S. 245-246.

⁹ Wadstein E. Beiträge zur westgermanischen Wortkunde. - Zeitschrift für deutsche Philologie, 1896, Bd 28, S. 529-530.

¹⁰ Walde A., Hofmann J. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd II. Heidelberg, 1954, S. 767.

¹¹ Walde A., Pokorny J. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, Bd I. Berlin, 1927, S. 269.

¹² Osthoff H. Zur Frage der Ursprungs der germanischen N-declination. - Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Bd III. Halle, 1876, S. 75; Solmsen F. Untersuchungen zur griechischen Laut- und Verslehre. Strassburg, 1901, S. 188.

И.О.Магницкий

ΝΕΜΕΣΙΣ У ГОМЕРА

Изучая структуру моральных ценностей в поэмах Гомера, мы обнаруживаем обширное семантическое поле, включающее в себя самые разнообразные термины и понятия. Эти термины и понятия отражают характер гомеровской этики и свидетельствуют о различных этических представлениях в интересующую нас эпоху. Одним из таких терминов-понятий является слово *νέμεσις*, которое бесспорно относится к общему ряду этической терминологии и указывает на весьма интересное явление духовной жизни древнего человека. Рассмотрение слова *νέμεσις* не ново, и по этому вопросу, разумеется, есть своя литература.¹ Однако разбросанность и фрагментарность материала, а также его недоступность по тем или иным причинам делают данную работу, по-видимому, небезполезной. Эта работа ставит своей целью, во-первых, определить смысл и значение слова *νέμεσις* в контексте гомеровских поэм, и во-вторых, исходя из определенного смысла и значения, представить отражаемый в слове *νέμεσις* характер эволюции гомеровской этики в целом.

Начнем с материала, который дают нам словари. Специальный гомеровский словарь под редакцией Эбелинга приводит 9 мест, где